

Не повести печальнее на свете, чем повесть о войне... что знают дети...

Разумные существа сколь угодно могут говорить о доброте, благородстве и милосердии, но лишь сила и знания, имеют в этом мире реальную ценность. Лишь сильного будут бояться настолько, что станут выполнять любые его приказы, и только умный догадается склонить сильного на свою сторону. А наш мир, это всего лишь арена, где соревнуются бесчисленные альянсы сильных и умных, и если ты слаб, ты станешь песком этой арены, что впитает кровь павших, но сначала... ты станешь кровью...

Удар в солнечное сплетение заставил меня поперхнуться воздухом в лёгких, и отчаянно хватать его из окружающей среды, как карась на берегу.

- Ты посмотри на него, такойдохлый, а ещё сопротивляться удумал! – Новый удар достал до моего носа, и на пару мгновений мир вокруг, и так смазанный и нечёткий, померк, будто меня опустили в самую бездну, где не бывал и лучик света.

- Слых, а нас хозяин за этого раба не прибьёт?

- Скажешь тоже. У этого доходяги кожа да кости, слабак, да и болеет постоянно. Его такого всё равно никто не купит, а коли мы избавим хозяина от лишних расходов, он нам только спасибо скажет.

Ещё один удар сотряс всё, что ещё могло сохраниться у меня в голове, и мир померк окончательно. Не знаю, было ли мне страшно, или больно, ведь я уже давно перестал чувствовать что-то подобное. Могу сказать лишь одно, так глубоко в себя я проваливался впервые, не смотря на регулярные избиения и измывательства людей, что окружали меня с тех пор, как я впервые открыл глаза. Я не помню ни себя, ни того, что было до того самого дня, как группа работорговцев нашла меня на каком-то пепелище. Они же и дали мне имя, Прист..., наверное, потому, что иногда мои глаза своевольно начинали светиться, будто во мне бушевала какая-то сила, но каждый раз это заканчивалось только очередными тумками и отчаянными попытками работорговца найти во мне хотя бы частицу магической силы, но каждый раз как я клал руку на печать-определитель, она оставалась безмолвной.

Очнулся я далеко ни сразу. Всё-таки слишком долго я провалялся без сознания. Всё тело ломило, будто меня запихнули меж жерновов мельницы и целый день перемалывали то что от меня могло бы остаться с мукой, а потом всё обратно соединили. Вкус крови на языке подействовал как катализатор, и я тут же попытался было встать, чтобы просто не захлебнуться в своей же крови, но сил в руках хватило только чтобы перекатиться на бок, сплюнув уже сгущающуюся багровую массу на пол... на скользкий, мокрый. Холодный, каменный пол. Я ни сразу сумел разглядеть. На чём же я лежу, но от увиденного мне стало только хуже. Ни следа деревянного пола клетки, где держали рабов, как ни следа и тех, кто за нами следил. Вокруг лишь крошечный мрак, каменные стены и свод, из которого торчали небольшие светящиеся кристаллы, сверкающие бирюзовым. От такой резкой смены обстановки, я не сразу собрался с мыслями, среди которых роились две наиболее значимые, это состояние моего организма и то, где я всё же оказался. Посчитав первую более актуальной, я аккуратно ощупал рёбра, сморщившись лишь раз, что было весьма неплохим знаком, учитывая, что раньше мне их ломали целыми пачками. Потом попробовал пошевелить ногами и снова был приятно удивлён тем, что они почти не пострадали от побоев. Синяки и ссадины я никогда не считал хоть малость серьёзной травмой. И если не считать сломанного ребра и этих самых синяков, то я очень легко отделался... хотелось бы мне так думать, но левая рука, на которую я так удачно перекатился, сказала решительное НЕТ моему поднявшемуся

было настроению, заныв дикой болью аж в трёх местах. Стиснув зубы, я едва смог сдержать крик, ясно понимая, что могу находиться совсем не в дружелюбном месте, где любой шорох может привлечь врага.

Но даже так со сломанной рукой и ребром у меня оставались неплохие шансы на выживание, если бы мне сейчас удалось бы остановить кровь и поставить выбитые кости на место. Приложив невероятное усилие, я всё же смог сесть, освободив пострадавшую руку из плена моего собственного веса и едва не размяк, чувствуя, как левый бок очень быстро начал согреваться. Спohватившись, я одним рывком содрал ветхий рукав, с ужасом глядя на торчащий из плоти обломок кости. Боли я уже не чувствовал из-за болевого шока, и зная, как скоро он пройдёт, я поспешил поставить часть моего скелета на положенное место. Пусть и не очень аккуратно и точно, но рана перестала выглядеть так уж жутко, а кровь не хлестала той рекой, что была вначале. Быстренько намотав оторванный рукав, я зубами и свободной рукой кое как затянул левую руку, постоянно морщась от боли в боку, потому что даже дышать было и правда очень тяжело. На этом я немного успокоился, и оглядевшись не заметил, чего бы то ни было мало-мальски интересного. Я сидел на полу какой-то, довольно просторной пещеры с высоким потолком и уходящим куда-то коридором. За моей спиной было нечто, очень похожее на одну из каменных фресок, какие я видел в одном храме, когда нас везли через какой-то большой город. Монолит с выгравированными фигурами, отдалённо напоминающие людей, стоял за моей спиной, как скала или даже как путеводный камень, словно в одной из сказок. Что я слышал одной безлунной ночью. Но как бы то ни было, разглядывать этот валун, как и сидеть здесь у меня никакого желания не было, и хоть снедал меня страх пред неизвестным, я поднялся в полный рост и по стеночке, стараясь особо много не шевелиться, пошёл по коридору вперёд. Картина произошедшего со мной, потихоньку вырисовывалась. Надзиратели, видно забавы ради решили бросить меня в какую-то пещеру, и скорее всего ждут на выходе, или, они решили так от меня избавиться и просто бросили здесь умирать. В любом случае, сидя на месте я бы умер от голода или жажды, а так у меня хотя бы был шанс повстречать что-нибудь съедобное или пресное.

Шаг за шагом, я ступал всё дальше, но почему-то в голове всё отчётливее вырисовывалось чувство опасности, словно я сам шёл в пасть к хищнику, только и ждущему, как я сделаю ещё один шаг. И ноги уже начинали дрожать, а ладони потеть от страха, но я шёл вперёд, ещё в том гроте, что я оставил позади, выбрав смерть быструю, хоть и кровавую от какого-нибудь монстра, смерти медленной и мучительной там. Но пусть даже и так, пусть меня ждёт смерть за следующим поворотом, я просто не могу остановиться, в нетерпении наконец увидеть объект своего страха, и встретиться с ним лицом к лицу, чем дрожать от неизвестности. Шаг, ещё шаг и... чавк... чавк-чавк... вдруг раздалось впереди, и тут мои ноги действительно проявили своеволие. Наотрез отказавшись идти туда, где кто-то с таким аппетитом уминал другого кого-то. Я рухнул на колени, и, если бы не успел ухватиться за выступ в стене, рухнул бы на пол. А чавканье не прекратилось ни на миг, и мне волей-неволей, пришлось снова подниматься и снова идти вперёд, искренне надеясь встретить впереди лишь крыс, деловито уплетающих мясо другого зверька, или своего сородича.

Ещё через десяток шагов я проклял своё ясновидение. Это и вправду были крысы, но не такие, каких много было в бараках для рабов. Эти оказались ничуть не меньше рослого пса и выглядели куда диковатее своих меньших собратьев. Зверёк, которого они уплетали, оказался им под стать, по крайней мере размерами. А ещё он имел две ноги, две руки и предпочитал носить не только свою, но и чужие шкуры, называя это одеждой. Я не знаю, как меня не стошнило от такого мерзкого зрелища. Как пяток здоровенных, просто гигантских крыс поедал человека, судя по следам ещё не запёкшейся крови, убитого не так давно, и потому не успевшего расстаться в желудках крыс с большей частью своего тела. Однако, приступ

тошноты сразу отпустил, стоило мне разглядеть лицо убиенного. Этот острый. Крючковатый нос, как у орла, сложно было спутать, как и эти жирные, нахальные брови. Крысы деловито жрали труп одного из надзирателей, не так давно пытающихся исправить строение моего скелета. Однако, даже так было совсем мало приятного от встречи с такими опасными хищниками, особенно в моём состоянии. Я бы даже посмеялся от того, что заметили они меня не по тени или шороху, а от простого, но громкого урчания в пустом желудке. Но мне было слишком страшно, чтобы хоть улыбнуться. Вся стая, как по команде, напоминая стаю бойцовых собак, кинулась на меня и в мгновение ока повала моё тщедушное тельце рядом с недоеденным надзирателем, и уже через мгновение кривые, но острые зубки впились в мою исстрадавшуюся плоть. Вот так, значит, и закончится мой короткий путь, в зубах этих мерзких грызунов. И мой обглоданный скелет так и останется лежать здесь, рядом с трупом этого гада, что так долго издевался надо мной, а через много лет, или может уже завтра, какой-нибудь случайный искатель сокровищ забредёт сюда и только горестно присвистнет, пожалев двух незнакомцев, которым просто не повезло нарваться на крыс... стоп... крысы... это же просто крысы, просто мелкие, пусть и не очень, грызуны... а я человек... я человек, а они просто крысы... и они меня так просто сожрут? Ну нет! Не бывать этому!

Здоровая рука сама схватила что-то твёрдое, лежащее на полу и по морде первой твари прилетел не хиленький такой удар камнем, который я сам от себя не ожидал. Правда удивляться или восхищаться не было времени, ведь эти сволочи собрались отобрать единственное, что у меня осталось – мою жизнь, и уж что-то, а этого я им точно не отдам, и камень в моих руках замелькал словно крылья шмеля, летящего над лугом, раз за разом опускаясь на такие мягкие и податливые тушки зверёнышей и снова, и снова находя новую цель. Я гвоздил этих тварей изо всех, непонятно откуда, взявшихся сил, крича от боли и страха, крича от гнева и ненависти и продолжал бить. Рука с камнем остановилась только тогда, когда просто не смогла подняться для нового удара и оружие, отстоявшее мою жизнь, не упало на пол, звучно чвякнув в той уродливой массе, что осталось от крыс. Всё вокруг было залито моей и их кровью, а количество ран и порезов. Что они мне оставили, было просто не сосчитать, как не сосчитать и всех тех слёз, что я пролил, завывая от собственного бессилия и страха, всё ещё сковывающего меня по рукам и ногам, но было сейчас что-то необычное и невероятно приятное, что грело меня изнутри и даже на каменном и холодном полу позволяло чувствовать себя комфортно. Это странное чувство, чувство свободы... и победы... да именно смесь этих двух чувств сейчас выдавливалось из меня страх вместе со слезами, но я всё ещё не мог подняться, не мог избавиться от этой дрожи в ногах и панически быстрого сердцебиения. И пусть здесь всё будет против меня, пусть на меня скалят зубы все, кому не лень, теперь я свободен и мне хватит сил, а если не сил, то решимости, затолкать эти самые зубы всем тварям в глотки.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/31688/683262>